

«Мы три! Дружба!»

Мы дружили втроем. Но Джон не мог запомнить это «втроем». Он говорил: «Мы три! Дружба!» Он больше всех слов любил слово «Дружба». Тут все понятно. Когда было все понятно, на его темно-лиловом лице сразу выступала белая-белая полоска зубов, а в глазах такое веселье, что даже хоть кричи «Ура!».

Хороший парень Джон. Мы с Риваресом его любим, без него и компании нашей нет.

Риварес тоже хороший парень. Но он немножко совсем другой — он очень скучает по родине, но особенно по своей маме и просит, чтобы его называли, как звала дома мама — Пони. Раз ему нравится, пусть будет Поня.

Поня любит петь песни, и это у него хорошо получается, грустно и ласково. И подыгрывает себе на такой небольшой бренчалочке, вроде нашей балалайки. Песни он хорошо поет, задушевно, только... ни одного слова не понятно в них.

Мы пошли к нашей руководительнице клуба. Поня попросил ее, чтобы нам выступить на сцене в студенческом клубе. Ру — как мы ее называли, когда она не слышит, это сокращенно значит «руководительница» — посмотрела на нас немножко испуганно и спрашивает:

— На каком языке будете петь?

— Мы три! — поторопился ответить Джон.

Получилось как бы «мытри». Ру засмеялась.

— Хорошо, хорошо, три так три!

Потом выбирали песню, каждый хотел, чтобы его родную. Выбрать оказалось никак нельзя: слова понятны только одному, остальные двое только головой в такт мотают.

Но Джон придумал: пусть каждый поет на своем языке. И правда — никому не обидно и все вместе радуются.

В этой пониной песне были такие слова, которые все время повторялись: люблю родину, люблю океан!

Тут Джон опять свежую мысль подкинул: «Один раз — русские слова, другой раз — понины, а третий раз — я, Джон, значит».

И пояснил для полной ясности:

— Мы три! Дружба!

Даже наша, сильно озабоченная таким составом исполнителей, Ру развеселилась окончательно. Села нам аккомпанировать. Тоже бьет по клавишам во всю мочь. Тут немножко произошла маленькая путаница. Каждый орал как можно громче свое, чтобы остальных двух перекричать, чтобы народ, когда мы будем выступать в большом зале на Новый год, услышал и его слова: «Люблю родину! Люблю океан!»

Ру вся красная вскочила и кричит, нам кричит:

— Не пойдет! Не пойдет!

А мы ее не слышим и кричим свое во все горло, каждый на своем, родном языке: «Люблю родину! Люблю океан!»

Да хоть бы мы ее и услышали, что она может нам сказать?! Справедливость на нашей стороне — каждый хочет донести свою песню до слушателя.

Но только мы прокричали в двадцатый, а может быть и в сотый раз про родину и про океан, как вдруг открывается дверь, и на пороге какой-то пришелец так вкрадчиво спрашивает:

— А где у вас тут в России океан?

Правда, где у нас океан?

Ру говорит:

— Ну, ничего, ничего... И Балтийское море, когда ветер, все равно что океан при ближайшем рассмотрении...

Парень-пришелец даже как-то обиделся:

— Ну, говорит, ребята, тогда вы ничего не понимаете в океанах. Разве такие океаны бывают?!

Но Ру его опять немножко укоротила:

— А вы что — все океаны видели, какие только бывают на земле? А вот наш такой!

Ох мы ее и полюбили за эти слова: «Наш вот такой!»

Пришелец не сдавался:

— Но все-таки знаете, океан...

Ру забеспокоилась, не хочет ли он на своем языке прокричать на Новый год про свой океан. А он как раз хочет и говорит: «Можно и я?». И, наверное, думает — «Я-то спою про свой настоящий океан».

— У нас тут репетиция, — строго сказала Ру. Мол, не мешайте.

А Джон заблестел своими белыми зубами и радостно так:

— Дружба! Нас три и еще один! Большая дружба! Ура!

Сразу примирил он нас с пришельцем:

— Дружба! — завопили мы с Поней.

Ру сказала сдержанно:

— Ну дружба, так дружба... Становись четвертым. На каком языке будешь петь?

— А на каком надо? — смутился наш новый артист.

— Я, например, — сказал я, — на русском: «Люблю Россию, люблю Балтийское море-океан!»

Он сказал:

— Тогда я буду на своем.

Ру очень пронзительно взглянула на него и забарабанила по клавишам, теперь на четверых.

Потом к нам прибился еще один. Он пел на молдавском. Мы спросили, есть ли у них океан, он ответил коротко и вразумительно:

— Есть, наверное... У нас все есть!

Потом заглянула к нам целая троица и прямо встала в нашу шеренгу:

— Что поем? — лишь спросили.

Новенький отозвался за всех:

— Про океан.

И те запели с нами про океан.

А когда еще понадобвилось к нам ребят, то они уже пели про океан и горы.

Но что делалось на концерте 31 декабря, вы себе и представить не можете!

Все повскакивали на скамейки, раскачивались в такт нашей песне и кричали, кто любит море Лаптевых, кто реку Дон...

Один Джон не сбивался с курса:

— Мы три и еще много! Дружба! Нас много! Дружба!

А рядом девочка заливалась соловьем: «Небо синее, и море, и твои глаза...»

Весело было! Здорово!